

Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 2**

Судьи и правоведаы полагают, что международное право, обычное право и такие правовые системы, как законодательство Третьего рейха или законы апартеида в Южной Африке, являются правом. Но как можно объяснить факт существования одного общего понятия права, если разнообразные концепции права выделяют множество различных его признаков? Финнис, вдохновленный аристотелевским понятием центрального случая, развивает идею о том, что общее понятие права может быть сформулировано на основе первичной концепции «права как практического разума», т. е. рассматривает право в этической перспективе. Он выдвигает два аргумента в защиту применяемой методологии: концептуальный и функциональный. Вопреки мнению Финниса, в статье утверждается, что ни концептуальный, ни функциональный аргументы не могут успешно обосновывать положение о том, что «право как практический разум» является центральным случаем понятия права. В исследовании уточняется аристотелевское понятие центрального случая и объясняется, почему его применение к понятию права является ошибочным. Тем не менее следует признать фундаментальной и интересной идею Финниса о том, что все разнообразные концепции права можно объединить для достижения целей теоретического исследования. Эта статья направлена на реконструкцию концепции Финниса через модель основного сходства. В результате сделан вывод о том, что различные определения права могут быть объединены благодаря их сходству с определением «права как практического разума», хотя между различными концепциями права нет идентичности.

Ключевые слова: понятие права; концепция; методология; центральный случай; практический разум, ключевое сходство.

III. Реконструкция концептуального аргумента Финниса

Мы внимательно изучаем две функции, приписываемые понятию права его общим использованием. Однако мы сталкиваемся с трудностями, которые обусловлены аргументом о том, что ядром или источником всех концепций права является точка зрения человека, обладающего практической разумностью. Аристотелевское понятие *фокусного значения* или *центрального случая* относится, скорее, не к точкам зрения, а к концептам, и для обеспечения терминологической ясности без радикального изменения аргумента я предлагаю следующую формулировку: точка зрения человека, обладающего практической разумностью, определяет ключевой концепт, или «центральный» случай, понятия права. Затем мы можем говорить о «праве, определяемом практической разумностью».

В следующем разделе я разьясняю и критикую применение Финнисом аристотелевского понятия «фокусное значение» или «центральный случай» к праву.

* Вероника Родригез-Бланко, профессор моральной и политической философии Университета Суррея (Великобритания).

E-mail: v.rodriiguez-blanco@surrey.ac.uk

** Rodriguez-Blanco V. Is Finnis Wrong? : Understanding Normative Jurisprudence // Legal Theory. 2007. № 13 (3–4). P. 257–283. Перевод с английского языка канд. юрид. наук, доцента кафедры истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой) В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).

Первая часть статьи опубликована в «Вестнике Гуманитарного университета» № 4, 2018 (С. 91–101).

А. Критика права как «центрального случая»

Финнис обращается к аристотелевскому идеалу фокусного значения (*pros hen* или связанный с ним омоним)¹, который предполагает, что некоторые слова, такие как «здоровье», «дружба», «бытие» или «благо», не однозначны; однако их различные значения могут быть связаны с ключевым концептом, и эта взаимосвязь может проявляться по-разному. Таким образом, в рамках концептов существуют степени. Финнис указывает нам на то, что есть центральные случаи конституционного правления и его периферийные случаи (гитлеровская Германия, сталинская Россия и т. д.) [13, р. 11]. Аналогичным образом, есть центральный случай дружбы как отношений, основанных на любви и преданности, и ее периферийные случаи, такие как отношения между знакомыми, деловыми партнерами и т. д. Термин «здоровье» хорошо иллюстрирует различия между фокусным значением и периферийными случаями. Спортсмен, цвет лица и рацион питания могут быть названы здоровыми. Борец Майло здоров, и борьба тоже здоровая. Но они здоровы по-разному. Тем не менее два способа называться здоровыми связаны между собой. То, как борьба становится здоровой, паразитирует на том, каким путем становится здоровым Майло. Борьба здорова в том смысле, что она приносит здоровье борцам².

Задача объяснения, в соответствии с двумя ролями унификации и дифференциации, приписываемыми понятию закона, не должна ограничиваться только центральным случаем, но она также должна включать в себя периферийные случаи, поскольку понимание концепта предполагает понимание различий и аналогий между центральным и периферийными случаями³.

Если «право, определяемое практической разумностью» является центральным случаем или фокусным значением любого описания или объяснения права, то «право, определяемое практической разумностью», с точки зрения Аристотеля, является ключевым концептом позитивного права. Согласно Аристотелю, это логическое и семантическое утверждение⁴.

¹ Шилдс различает дискретный и ассоциированный омонимы. В первом случае один и тот же термин относится к различным несвязанным сущностям. Например, термин «bank» в английском языке означает одновременно «речной берег» и «банк» как финансовое учреждение. В последнем случае термин относится к различным объектам, которые связаны в силу общего источника или принципа. Эту связь также можно назвать «фокусным» значением (Owen G. E. L. «Logic and Metaphysics in Some Early Works of Aristotle» [32]), «фокусной связью» (Irwin T. «Homonymy in Aristotle» [21]), «центральным случаем» (Finnis J. «Natural Law and Natural Rights» [13]), или «омонимом ключевой зависимости» (Shields C. «Order in Multiplicity: Homonymy in the Philosophy of Aristotle» [35]) (см.: Shields C. Op. cit. P. 11). Важно проводить различие между ассоциированным омонимом и идеей Витгенштейна о «семейном сходстве», когда разные сущности имеют частично совпадающие черты, но при этом не связаны общим принципом или источником, к которому они все относятся.

² Аристотель использует термин «здоровье» в качестве примера «фокусного значения»: «О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному, к одному естеству, и не из-за одинакового имени, а так, как все здоровое, например, *относится к* (курсив автора. – Прим. переводчика) здоровью или потому, что сохраняет его, или потому, что содействует ему, или потому, что оно признак его, или же потому, что способно воспринять его; и точно так же врачебное по отношению к врачебному искусству (одно называется так потому, что владеет этим искусством, другое – потому, что имеет способность к нему, третье – потому, что оно его применение), и мы можем привести и другие случаи подобного же словоупотребления. Так вот, таким же точно образом и о сущем говорится в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу» (Аристотель. Метафизика. 1003. а34–б6 (цит. по: Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1975. С. 119. – Прим. пер.)).

³ Finnis J. Op. cit. P. 11.

⁴ См.: Owen G. E. L. Op. cit. Cp.: Irwin T. «Homonymy in Aristotle» [21]. Хэмлин утверждает, что использование Оуэном понятия «фокусное значение» вводит в заблуждение, поскольку цель Аристотеля – обращение к понятиям, а не к «значениям» термина. Поэтому термин «фокусная

В этом разделе я обсуждаю основной пример «фокусного значения» Финниса, т. е. «дружбу», и утверждаю, что аристотелевская научная традиция не вполне ясна в отношении того, является ли «дружба» ярким примером фокусного значения. Действительно, некоторые последователи Аристотеля утверждают, что это случай аналогии или сходства, но не фокусного значения. Ниже я приведу менее противоречивый пример фокусного значения – понятие «жизнь» – и попытаюсь показать, что понятие «право» не может быть проанализировано в терминах «фокусного значения» или центрального случая. Праву, скорее, ближе концепт «дружба», поэтому его следует анализировать в терминах сходства или аналогии. В разделе III.Б. я развиваю понятие сходства, которое, как я полагаю, необходимо для того, чтобы концепт права играл желаемые роли, приписываемые ему. Критика «фокусного значения» преследует цель опровергнуть мнение о том, что «право, определяемое практической разумностью»⁵, имеет приоритет центрального случая, приписываемого ему Финнисом. В данной статье более плодотворной стратегией для изучения концепта права признается анализ «права в качестве ключевого сходства».

Начнем с мотивации Аристотеля, вводящего в научный оборот понятие фокусного значения. Критика Аристотелем теории форм Платона основана на идее неоднозначности, которая включает в себя утверждение о том, что такие термины, как «бытие», «добро» и т. д., фактически относятся к разным сущностям и свойствам, и поэтому мы не можем сказать, что существует единое определение того, что является «добром» или «бытием». Однако вера Аристотеля в возможность единства науки и его приверженность неоднозначности означают, что не может быть одной науки для разных способов «бытия». Тем не менее, Аристотель понимает, что во множестве разнообразных терминов существует некоторый порядок, и впоследствии он приходит к идее связанной омонимии, или «фокусного» значения. Омонимия играет двоякую роль: критическую и конструктивную. Первоначально Аристотель использует омонимию для критики своих предшественников, но затем он стремится показать, что различные сущности, относящиеся к одному и тому же термину, на самом деле, связаны ключевым концептом. Шилдс называет это *омонимом* «ключевой зависимости», наиболее сложная формулировка которого выглядит следующим образом:

CDH₃: *a* и *b* омонимичны F таким образом, что можно говорить о ключевой зависимости, если: (i) они имеют общее имя, (ii) их определения не полностью перекрываются, и (iii) обязательно, если *a* является основным случаем F-сущности, тогда *b*-бытие F находится в одном из четырех причинных отношений с *a*-бытием F [35, p. 119].

Аристотель выделяет четыре типа причинности: формальный, целевой, материальный и действующий. Таким образом, между утверждениями «Сократ здоров», «здоровые витамины», «у Сократа здоровый цвет лица» и «у Сократа здоровый режим» существует *действующая причинно-следственная* связь. Витамины являются действующей причиной здоровья Сократа, как и режим Сократа. Наконец, причиной здорового цвета лица Сократа является здоровый организм, такой как тело Сократа. Но сущности могут также находиться в отношении *целевой причинности*, как в утверждениях «скальпель – медицинский» и «врачи – медики», поскольку скальпель – это не просто нож, а именно скальпель, потому что его функции являются медицинскими, а врачи – доктора, потому что их функция тоже медицинская. Но отношения между сущим и сущностями могут быть также

связь» является более точным. Финнис использует термин «фокусное значение», и, чтобы избежать путаницы, мы следуем терминологии Финниса.

⁵ Для простоты я интерпретирую термин «моральная точка зрения» как «моральный закон». Этот термин следует понимать с точки зрения требований практической разумности Финниса.

описаны в терминах *материальной причинности*: мышцы называют здоровыми, поскольку они являются материальной причиной здорового организма. Хотя мы можем утверждать, что ни один из примеров Аристотеля не относится к формальной причинности, между ключевыми случаями и другими случаями существуют правдоподобные отношения, которые могут быть установлены в терминах *формальной причинности*. Основание для отказа от принятия формальной причинно-следственной связи в качестве возможного отношения между субъектами, в принципе, является разумным. Взаимосвязь между ключевым концептом или терминами и сущностями должна пониматься как нечто, отличное от формальной идентичности. Если между двумя сущностями, относящимися к одному и тому же термину, существует формальная причинно-следственная связь, то можно сказать, что это случай синонимии, а не омонимии.

Шилдс утверждал, что формальную причинно-следственную связь между двумя сущностями можно представить в терминах внешней, а не внутренней деноминации, т. е. когда субъект называется F не потому, что он реализует F-сущность внутренним образом, но потому, что он находится с F-сущностью в некотором подходящем отношении [35, p. 115]. Так, можно утверждать, что профаны, обладающие навыками исцелять людей, правильно называются врачами: даже если им не хватает соответствующей подготовки и знаний в области науки, их деятельность принимает эту форму (т. е. медицинскую) – несовершенную и незавершенную⁶. Поэтому народный целитель считается врачом, поскольку характер его практики имеет формальное отношение к медицине⁷.

Следует подчеркнуть, что ключевые случаи должны предшествовать связанным с ними случаям. Шилдс определяет это следующим образом: «Следовательно, мы видим, что некоторый F является производным от омонима ключевой зависимости только в том случае, если: (i) существует некий ключевой пример бытия F; (ii) его оценка предполагает необходимую отсылку к этому ключевому примеру; и (iii) оценка ключевого примера не предполагает необходимой отсылки к нему»⁸.

Таким образом, для того, чтобы термин стал «фокусным значением», «центральным случаем» или «ассоциированным омонимом», должны быть соблюдены следующие условия: 1) объекты или свойства, к которым относится данный термин, различаются между собой, и их определения не полностью перекрываются; 2) различные объекты или свойства связаны на основе общего источника или принципа; 3) объекты связаны с общим источником, но сам источник не отсылает к этим объектам или свойствам (асимметрия); 4) связь с общим источником осуществляется в силу одной или нескольких из четырех причинностей: формальной, целевой, материальной и действующей.

Теперь, когда у нас есть ясное представление о концепте «центрального случая» или «фокусного значения», рассмотрим два термина, тщательно изученных Аристотелем: «жизнь» и «дружба».

В трактате «О душе» Аристотель допускает, что живые существа обладают различными способностями: способностями низшего уровня и способностями высшего уровня. Поэтому одни живые существа используют свои способности к размножению; другие живые существа не нуждаются в этом, поскольку они вечны. Таким образом, появление небологических существ, таких как Бог, указывает на возможность того, что термин «жизнь» является неоднозначным термином.

⁶ Возможно, именно это положение лежит в основе идеи Финниса о том, что существуют центральные случаи права и периферийные случаи права; в частности, право Третьего рейха.

⁷ Эту точку зрения защищает Шилдс (см.: [35, p. 118]).

⁸ Shields Ch. Op. cit. P. 123. Я ввожу здесь термины «логического» или «онтологического» приоритета для характеристики дефинитивного приоритета.

Можем ли мы установить ключевую связь между различными объектами, к которым относится этот термин? Шилдс предлагает следующие утверждения в качестве примера:

- (I) Сократ жив.
- (II) Собака Павлова жива.
- (III) Мой куст роз флорибунда жив.
- (IV) Бог жив [35, p. 185].

Аристотель полагает, что термин «жизнь» неоднозначен: чтобы нечто живое могло «быть», оно должно быть живым, и в случае живых организмов сущность идентична жизни; следовательно, у собаки, Бога, куста роз флорибунда и Сократа разные сущности, и жизнь у собаки, Бога, куста роз флорибунда и Сократа не одинакова. Но в каком смысле эти разные сущности связаны? Согласно Шилдсу, определение жизни как ключевой омоним возможно в терминах интенциональной системы, и Бог Аристотеля является высшей и полной интенциональной системой [35, p. 189]. Для Аристотеля жизнь – это деятельность ума («Метафизика», 1072 b26–27)⁹; однако не каждое живое существо обладает разумом. Но если мы понимаем деятельность ума как актуализацию высших и лучших объектов мышления, то мы можем утверждать, что ядро жизни является формой обогащенной интенциональной деятельности. Тогда возникает вопрос: каким образом растения, животные и другие интенциональные системы связаны с Богом как интенциональной системой? Шилдс утверждает, что отношение между ними относится к одному из типов формальной причинности: «Хотя жизнь Бога является формальной причиной жизни других существ, формы, которые реализованы таким образом, уже различаются. В результате между этими живыми существами и чистой, полной, обогащенной интенциональной системой установятся формальные причинно-следственные связи, но сами существа не станут чистыми, полными или обогащенными» [35, p. 190].

Термин «дружба» значительно более противоречив, чем термин «жизнь». В «Евдемовой этике» Аристотель вводит понятие «фокусное значение» и анализирует термин «дружба» как фокусное значение. Тем не менее в его более поздней «Никомаховой этике» дружба не используется в качестве примера «фокусного значения»¹⁰. Фортенбо утверждает, что «дружба» является случаем не «фокусного» значения, но, скорее, сходства; следовательно, в «Евдемовой этике» допущена ошибка, когда предлагается применить понятие «фокусное значение» к «дружбе» [14, p. 51–52]¹¹. Он указывает на два возможных способа анализа «дружбы»: через аналогичное отношение и сходство, а не как «фокусное значение» или «ассоциированную омонимию».

Прежде всего, рассмотрим аналогичное отношение между различными видами дружбы. У каждой дружбы есть своя цель, поэтому можно выделить три раз-

⁹ Полностью цитата из «Метафизики» Аристотеля, к которой отсылает автор статьи, выглядит следующим образом: «Если же богу всегда так хорошо, как нам иногда, то это достойно удивления; если же лучше, то это достойно еще большего удивления. И именно так пребывает он. И жизнь поистине присуща ему, ибо деятельность ума – это жизнь, а бог есть деятельность; и деятельность его, какова она сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь. Мы говорим поэтому, что бог есть вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть бог» (цит. по: Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. С. 310. – *Прим. пер.*).

¹⁰ Ср.: Gauthier R., Jolif J. «L'Éthique à Nicomaque» [15], и Owen G. E. L. *Op. cit.* Они утверждают, что в представленном в «Никомаховой этике» анализе присутствует фокусное значение.

¹¹ Fortenbaugh W. W. «Aristotle's Analysis of Friendship: Function and Analogy, Resemblance, and Focal Meaning» [14]. Ср.: Walker A. D. M. «Aristotle's Account of Friendship in the Nichomachean Ethics» [40]. Фортенбо является одним из авторов, на которых ссылается Финнис в поддержку своего утверждения о «центральном» случае или «фокусном» значении.

ных ее вида в зависимости от цели, которой могут быть полезность, удовольствие и добродетель («Никомахова этика», 1156, а7–8). Последнее – это дружба между добродетельными людьми, тогда как первые два вида – это дружба, приносящая какую-то пользу. Их можно безоговорочно назвать «дружбой». Согласно Аристотелю, можно утверждать, что между тремя видами дружбы существует аналогичное отношение («Никомахова этика», 1157, а33): как дружба добродетельных людей является таковой постольку, поскольку они добродетельны, так и дружба ради удовольствия является дружбой для тех, кто любит удовольствие. Они связаны между собой по аналогии и поэтому имеют квазиобщую природу¹². Второй тип отношений – это сходство. Аристотель полагал, что неоднозначность дружбы может быть проанализирована как сходство, которое предполагает прямые отношения, основанные на подобии или общем признаке различных видов. В отличие от «семейного сходства» Витгенштейна, допускающего частичное совпадение черт у разных сущностей, но при этом не требующего обязательного наличия у каждой ассоциированной сущности общих черт, аристотелевское сходство требует наличия общей черты у разных сущностей для того, чтобы они могли оказаться взаимосвязанными. Для разных видов дружбы общими чертами являются взаимное расположение, желание блага для другого и осознание этого («Никомахова этика», 1155, b27 – 1156, а5). Следовательно, эта ассоциация не является дефиниционной ассоциацией по типу рассмотренных выше «фокусного» значения или «ассоциированного омонима». Поэтому, как утверждает Фортенбо, хотя дружба ради удовольствия или пользы может напоминать идеальную дружбу, другие дружеские отношения не зависят фокально от идеальной дружбы¹³. Фортенбо так поясняет эту мысль: «Несмотря на то, что они напоминают идеальную дружбу, другие дружеские отношения не зависят фокально от идеальной дружбы. Сначала мы можем рассмотреть дружбу между теми, кто ищет удовольствий. Этот вид дружбы, по сути, является общением ради удовольствия. Он может быть определен как общение, основанное на удовольствии и включающее в себя взаимную привязанность и взаимопонимание. Такое определение не предполагает ни идеальной дружбы, ни того, что подразумевало бы идеальную дружбу. В данном определении упоминается удовольствие, которое является точкой схождения между дружбой искателей удовольствий и дружбой добродетельных людей. Но удовольствие концептуально не зависит от идеальной дружбы, так что дружба искателей удовольствий концептуально не зависит от идеальной дружбы, и определение их дружбы не предполагает идеальной дружбы и не включает в себя определение идеальной дружбы» [14, р. 58].

Мы можем понимать дружбу и вступать в дружеские отношения ради удовольствия или пользы, не имея представления об идеальной дружбе.

Финнис полагает, что «право» подобно «дружбе»; но если это так, то «право, определяемое практической разумностью» не является центральным случаем пра-

¹² Fortenbaugh W. W. Op. cit. P. 54.

¹³ Ср.: Cooper J. «Aristotle on the Form of Friendship» [8]. Купер обращает внимание на противоречие между текстами «Риторики» и «Никомаховой этики» Аристотеля. В первом из этих трактатов Аристотель поддерживает идею о том, что дружба представляет собой взаимное благожелательное отношение людей друг к другу и это свойственно дружбе любого вида. Напротив, во втором трактате Аристотель, похоже, полагает, что как дружба ради пользы, так и дружба ради удовольствия полностью эгоцентричны. Купер отвергает такую интерпретацию, утверждая, что у трех видов дружбы есть общая черта: друг желает своему другу всего того, что хорошо для него самого [8, р. 630–631]. Если Купер прав, то между тремя видами дружбы нет сходства и они не зависят ключевым образом от центрального случая. Другими словами, дружба ради пользы, дружба ради удовольствия и дружба добродетельных людей – скорее синонимы, чем омонимы. Похоже, такое утверждение противоречит текстам «Риторики», «Евдемовой этики» и «Никомаховой этики». Я признательна Аманде Перро-Соссин за то, что она познакомила меня с этой интерпретацией Купера.

ва. Позитивное право может обладать следующими признаками: «целевая ориентация на координацию действий», «утверждение авторитета», «постулирование людьми», а концепту «права, определяемого практической разумностью» свойственны следующие признаки: «целевая ориентация на координацию действий для достижения общего блага», «утверждение авторитета», «обладание авторитетом» и «постулирование людьми». Эти последние признаки накладываются на признаки позитивного права, но концепт позитивного права не зависит ключевым образом от концепта «права, определяемого практической разумностью». Так же как и в случае с дружбой, когда представление о простой приятной дружбе не требует понимания дружбы между добродетельными людьми, мы можем усвоить концепт права как координационной деятельности и работать с ним без необходимости иметь какое-либо представление о совершенном концепте координационной деятельности, направленной на достижение общего блага.

Можем ли мы найти лучший пример, чтобы показать, как позитивное право ключевым образом зависит от «права как практической разумности» и, следовательно, как последнее концептуально предшествует первому? Одна из возможных стратегий состоит в том, чтобы прибегнуть к понятию «жизнь», которое Аристотель полагал ясным примером «фокусного значения». Можем ли мы тогда сказать, что концепт «право» больше похож на понятие «жизнь», чем на понятие «дружба»? Ответ отрицательный. В случае с понятием «жизнь» все разнообразные концепты «жизни», такие как жизнь собаки или куста роз флорибунда, формально связаны с ключевым концептом совершенной интенциональной системы, которой является Бог. Все они ключевым образом зависят от Бога как интенциональной системы, хотя они являются неполными или незавершенными формами совершенной формы интенциональных систем. Напротив, «право, определяемое практической разумностью» и «позитивное право» имеют разные цели¹⁴. Цель «права, определяемого практической разумностью» заключается в «стремлении к общему благу», тогда как цель «позитивного права» состоит в координации деятельности правовых субъектов. Поэтому можно утверждать, что перед нами разные концепты, поскольку у них разные цели. Тем не менее, допустимо поставить вопрос о том, могут ли они быть взаимосвязаны с точки зрения «фокусного» значения.

Рассмотрим такую возможность. Можно отметить, что общей чертой как «права, определяемого практической разумностью», так и позитивного права является их нацеленность на координацию действий, но при этом нельзя утверждать, что для понимания или определения позитивного права как координационной деятельности следует понять «право, определяемое практической разумностью» в качестве координационной деятельности, *которая направлена на достижение общего блага*. Можно допустить *необходимость* выявления общей черты координации, направленной на достижение общего блага, в различных видах права: «права, определяемого практической разумностью» и позитивного права; но это не является случаем концептуального или дефиниционного «фокусного» значения, или центральным случаем. Применительно к понятию «жизнь» можно найти совершенную интенциональную систему, т. е. Бога, и иные интенциональные системы, такие как растения, собаки, люди, которые находятся в *формальной* причинно-следственной связи с совершенной интенциональной системой. Другие интенциональные системы несовершенны по отношению к совершенной системе; так, можно безоговорочно применить термин «медицинский» к человеку, который освоил навыки исцеления, но не имеет квалификации врача.

¹⁴ Это также признается Финнисом.

Можно ли установить *формальную причинно-следственную связь* между «правом, определяемым практической разумностью» и «позитивным правом»? Если это возможно, то позитивное право концептуально ключевым образом зависит от «права, определяемого практической разумностью», так как идеальным случаем координации действий является координация действий *в интересах общего блага*. Другие виды координации действий, такие как координация посредством позитивного права, являются неполными или незавершенными. Проверим идею Бога как совершенной интенциональной системы. Согласно Аристотелю, интенциональная система характеризуется целенаправленным поведением и каждый вид интенциональной системы имеет свою цель или задачу; т. е. цель Бога – это созерцание, цель человека – быть разумным, и т. д. Что-либо считается хорошим в своем роде настолько, насколько достигает своей цели. Формальная причинно-следственная связь рассматривается как угроза омониму ключевой зависимости или методологии «центрального случая», потому что она устанавливает идентичность между различными концептами; т. е. жизнь Бога и жизнь людей оказываются синонимичными. Поэтому синоним и омоним являются взаимоисключающими; тогда, если между двумя объектами установлена *формальная причинно-следственная связь*, то такие концепты не могут быть омонимичными. Например, «если Сократ делает меня здоровым, подавая мне хороший пример, то, возможно, его здоровье является *формальной причиной* моего здорового состояния; но тогда термины используются синонимичным образом»¹⁵.

В юридическом контексте совершенное право представляет собой право как координацию действий, направленную на достижение общего блага, и можно утверждать, что данный ключевой концепт является *формальной причиной* других концептов права, таких как позитивное право¹⁶. Но критик может возразить, что если «право как практическая разумность» является *формальной причиной* других понятий права, то между ними существует идентичность и, следовательно, синонимичность. Критик может отметить, что Финнис потерпел неудачу в стремлении продемонстрировать неоднозначность концепта права и поэтому он не достиг своей цели, которая заключается в обосновании того, что концепт права как практической разумности может быть центральным случаем различных концепций права. Тем не менее Финнис может прибегнуть к примеру с Богом как совершенной интенциональной системы и с людьми, растениями и животными как незавершенными формами совершенной интенциональной системы, и может утверждать, что право как практическая разумность и позитивное право имеют разные цели или задачи. Если цель Бога заключается в созерцании, то цель права как практической разумности – *в направленной на достижение общего блага координации деятельности правовых субъектов*.

Подобным образом, как может утверждать Финнис, целью позитивного права является *безусловная* координация деятельности правовых субъектов. Но позитивное право является незавершенной или неполной формой права как практической разумности. Однако слабость этой аргументации очевидна. Доброкачественность чего-либо в своем роде определяется достижением им цели. Иными словами, цель определяет нормативный стандарт качества для чего-либо в своем роде. Как показывает пример интенциональных систем, благом для Сократа является размышление, а для собаки – разумность, *но Сократ не должен размышлять, а собака не должна быть разумной*. Точно так же цель позитивного права состоит в координации деятельности правовых субъектов, даже если отдельные законы несправедливы или противоречат практическим соображениям. Несмотря на это,

¹⁵ Shields Ch. Op. cit. P. 115.

¹⁶ О защите права как архетипа, где различные концепции права «участвуют» в идее права, см.: Simmonds N. «Law as a Moral Idea» [36].

благом для позитивного права является направленная на достижение общего блага координация деятельности правовых субъектов, так же как для Сократа – размышление, однако последний тип координации не является целью позитивного права, так же как размышление не является целью Сократа. Таким образом, ошибочен вывод о том, что позитивное право должно координировать деятельность правовых субъектов в перспективе достижения общего блага. Если между ключевым концептом права как практической разумности и ключевым образом зависимым концептом позитивного права существует *формальная причинно-следственная связь*, то, следовательно, право как практическая разумность и позитивное право имеют разные цели и достигают «благого» существования различными *способами*, так же как Сократ и собака преследуют разные цели и различными *способами* достигают «благого» существования.

Такой вывод представляется неудобным для юснатуралистов, таких как Финнис, поскольку это означает, что «право, определяемое практической разумностью» и позитивное право имеют отношение к разным концептам, следовательно, они принадлежат к разным дисциплинам. Поэтому можно утверждать, что «право, определяемое практической разумностью» должно изучаться моральной психологией или моральной философией, а позитивное право является предметом только теории права или юриспруденции. Это как раз точка зрения юристов-позитивистов, таких как Кельзен: право не однозначно, и различные его виды, т. е. «право, определяемое практической разумностью» и позитивное право, относятся к разным дисциплинам.

Юрист-позитивист может признать существование квазиформальной причинно-следственной связи между правом как практической разумностью и позитивным правом; как и в случае с разными видами дружбы, существует некая аналогия между «правом, определяемым практической разумностью» и позитивным правом, и, следовательно, они имеют общую квазиприроду; т. е. они оба регулируют поведение (хотя и разными *способами*).

Резюмируем: если Финнис прибегнет к примеру с понятием «жизнь», чтобы обосновать ключевую зависимость между «правом, определяемым практической разумностью» и «позитивным правом», то установление причинно-следственной связи окажется проблематичным, поскольку может повлечь за собой либо отношения идентичности, либо омоним ключевой зависимости, что означает признание различных целей и *способов* благого существования среди ассоциированных концептов.

Но можем ли мы утверждать, что существуют другие виды причинно-следственных связей между «правом, определяемым практической разумностью» и позитивным правом, такие как действующая, целевая или материальная причинности? Рассмотрим случай материальной причинности. Нельзя однозначно утверждать, что «право, определяемое практической разумностью» является материальной причиной позитивного права, поскольку существуют правовые системы, обладающие всеми признаками позитивного права, но не обладающие теми признаками, которые характеризуют «право, определяемое практической разумностью», такими как координация деятельности правовых субъектов, направленная на достижение общего блага.

Рассмотрим ситуацию целевой причинности. Можно ли утверждать, что завершенность позитивного права обусловлена завершенностью «права, определяемого практической разумностью»? В первом случае право направлено на координацию деятельности, но не на достижение общего блага. Финнис должен был бы объяснить, каким образом цель позитивного права обязательно обусловлена целью «права как практической разумности». Тем не менее ряд примеров правовых

систем показывает, что координация деятельности членов сообщества осуществляется без направленности этой координации на достижение общего блага.

Наконец, рассмотрим случай действующей причинности. Как может «право, определяемое практической разумностью» быть действующей причиной позитивного права подобно тому, как «витамины являются действующей причиной здоровья Сократа»? Очевидно, что возможна такая позитивная правовая система, действующей причиной которой не является «право, определяемое практической разумностью», о чем свидетельствуют примеры порочных правовых систем двадцатого века.

Мы показали трудности, связанные с идеей о том, что «право, определяемое практической разумностью» необходимо рассматривать как имеющее *концептуальный или логический приоритет* перед позитивным правом, потому что право следует анализировать как фокусное значение. Можем ли мы обосновать точку зрения, согласно которой право должно быть анализируемо как случай сходства? Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Б. Право как ключевое сходство

В данном разделе статьи утверждается, что идея ключевого сходства обеспечивает особый вид приоритета¹⁷, который значительно отличается от приоритета фокусного значения или центрального случая, поддерживаемого Финнисом. Плодотворность ключевого сходства для анализа понятия права очевидна: она позволяет понятию права выполнять дифференцирующую и унифицирующую роли, а также преодолевать трудности, связанные с анализом центрального случая.

В чем заключается основное сходство? Как можно проанализировать концепт права в терминах основного сходства? В своей книге «Философские исследования» Витгенштейн отмечает, что различные сущности могут быть связаны друг с другом соответствующим образом и относиться к одному и тому же концепту, не имея единой общей черты. На вопрос о том, как получается так, что мы можем использовать единый концепт – например, «благо», «демократия», «число», «игры», – для обозначения множества частных явлений, некоторые авторы, например Локк, отвечают, что мы можем обращаться к этим различным сущностям как к одному и тому же концепту, поскольку они, на самом деле, обладают *общим качеством*¹⁸. Другими словами, разные объекты имеют одно качество, которое позволяет использовать единый концепт. Мы говорим о хороших ножах, хороших прогулках и хороших друзьях, и все они отличаются доброкачеством. Однако можно возразить, что хорошие ножи и хорошие друзья «хороши» по-разному. Точно так же мы называем США, Германию, Великобританию и Мексику демократическими государствами, но ведь понятие «демократия» относится к различным характеристикам в каждом конкретном случае.

В пунктах 66 и 67 «Философских исследований» Витгенштейн вводит понятие семейного сходства, используя следующую аналогию:

«66. Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем “играми”. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т. д. Что общего у них всех? Не *говори* «В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы “играми”», но *присмотрись*, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Как уже говорилось: не думай, а

¹⁷ Возможно, речь идет о том виде приоритета «центрального случая», который Харт имел в виду в своей работе «Понятие права»: «Очевидно, что многие случаи использования слова “право” не связаны между собой какой-либо простой однородностью, но они связаны, хотя и не так непосредственно – часто по аналогии формы или содержания – с центральным случаем» [20, р. 79].

¹⁸ Locke J. «An Essay concerning human Understanding» [26].

смотри! Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. Все ли они “развлекательны”? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыш и проигрыш, всегда ли присутствует элемент соревновательности между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует. Посмотри, какую роль играет искусство и везение. И как различны искусственность в шахматах и в теннисе. А подумай о хороводах! Здесь, конечно, есть элемент развлекательности, но как много других характерных черт исчезает. И так мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними.

А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом.

67. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. И я скажу, что “игры” образуют семью¹⁹.

Бамбро предлагает следующую интерпретацию перекрытия различных признаков разных объектов, относящихся к одному концепту:

e	d	c	b	a
ABCD	ABCE	ABDE	ACDE	BCDE

Таким образом, образцы «e», «d», «c» и «a» имеют общий признак B; однако «b» имеет только частично совпадающие характеристики с другими образцами. Общей черты B не хватает²⁰.

Возражения выдвигаются против идеи о том, что различные объекты или сущности могут быть отнесены к одному и тому же концепту, поскольку существует семейное сходство между их признаками²¹. Основной аргумент следующий: мы всегда можем найти сходства между разными сущностями и находить новые сущности *ad infinitum*²². Так, понятие семейного сходства оставляет границы любого концепта открытыми для потенциально бесконечного числа сущностей, и поэтому мы могли бы утверждать: все что угодно имеет сходство с чем-нибудь еще. Данная проблема называется «недетерминированность расширения» концептов семейного сходства. Одним из возможных вариантов ее решения является идея о наличии базового предиката, который определяет расширение концепта семейного сходства. Другими словами, существует подкласс членов, и все члены, относящиеся к определенному концепту, должны напоминать других членов подкласса. Такие члены должны иметь, по крайней мере, одну общую черту с другими членами подкласса, и это достаточное, но не необходимое условие для того, чтобы сущность была отнесена к определенному концепту. Однако некоторые члены общего класса могут не иметь общих характеристик или особенностей. Ряд

¹⁹ Wittgenstein L. «Philosophical Investigations» [42] (цит. по: Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2011. С. 21. – Прим. пер.).

²⁰ Bambrough R. «Universals and Family Resemblances» [5]. Ср.: Tessin T. «Family Resemblance and the Unity of a Concept» [38].

²¹ Mandelbaum M. «Family Resemblances and Generalization Concerning the Arts» [27]; Wennerberg H. «The Concept of Family Resemblance in Wittgenstein's Later Philosophy» [41]; Pompa L. «Family Resemblance» [33].

²² До бесконечности (лат.). – Прим. пер.

авторов применительно к вариативности парадигмального случая выдвинули идею списка общих характеристик, принадлежащих подклассу²³. Должно наличествовать минимальное количество характеристик, которые имеют члены подкласса. Эту идею можно выразить следующим образом:

Подкласс Р (Парадигма)				
ABCDE				
e	d	c	b	a
ABCD	ABCE	ABDE	ACDE	BCDE

Части «e», «d», «c», «b» и «a» могут быть отнесены к одной и той же концепции, поскольку они имеют общие черты с подклассом Р, и данные признаки достаточны, но не обязательны для того, чтобы определить, относятся ли e, d, c, b или a к подклассу Р.

Существуют поразительные сходства между описанным выше решением базового предиката или ключевого сходства и аристотелевской идеей анализа дружбы с помощью метода простого сходства. Аристотель различает *простое* сходство и сходство по аналогии. Фома Аквинский²⁴, Суарес²⁵ и другие средневековые философы назвали последнюю «анalogией пропорции». Для анализа сходства по аналогии или аналогии пропорции необходимо иметь четыре термина, упорядоченных в самоочевидной схеме пропорции. Напротив, простое сходство включает в себя два термина, связанных непосредственно на основе некоторого общего признака. Решение Аристотеля отличается от концепции семейного сходства Витгенштейна²⁶, потому что Аристотель в своем анализе понятия дружбы признает общие признаки, которые *логически необходимы и достаточны* для возникновения дружбы: взаимное расположение, желание блага для другого и осознание этого («Никомахова этика», 1155, b27 – 1156, a5). Аристотель утверждает, что друзья желают друг другу добра в таком качестве, в каком они являются друзьями («Никомахова этика», 1156, a3). Таким образом, если дружба основывается на полезности или удовольствии, то желание добра другу обусловлено личной выгодой.

Кроме того, согласно Аристотелю, дружба между добродетельными людьми считается идеальным случаем дружбы, и это имеет последствия для анализа *простого* сходства²⁷. Дружба, основанная на удовольствии, и дружба, основанная на полезности, не похожи друг на друга. Таким образом, дружба между стариками, основанная на полезности, не приносит удовольствия, в то время как дружба, основанная на простом удовольствии, может быть лишена полезности и оказаться

²³ Manse A. «Games and Family Resemblance» [28] ; Bellaimy J. «Family Resemblances and the Problem of the Under-Determination of Extension» [6].

²⁴ Ведутся споры о том, проводил ли Фома Аквинский такое различие между «анalogией пропорции» и «анalogией атрибуции». Последнее – это анализ, ориентированный на центральный случай или фокусное значение. Существует мнение, что на такое различие указывает Каджетан, который утверждает, что оно подразумевается Фомой Аквинским (см.: Thomas Cardinal Cajetan. «On the Analogy of Names [De Nominum Analogia]» [39] ; Ashworth E. J. «Signification and Modes of Signifying in 13th Century Logic: A Preface to Aquinas on Analogy» [3] ; McInerney R. «Aquinas and Analogy: Where Cajetan Went Wrong» [29] ; Montagnes B. «La doctrine de l’analogie de l’être d’après Saint Thomas d’Aquin» [30]).

²⁵ Suarez F. Disputationes Metaphysicae [37].

²⁶ Fortenbaugh W. W. Op. cit. P. 55.

²⁷ В седьмой книге «Евдемовой этики» Аристотель указывает на то, что сходство не является адекватной основой для фокусного анализа. Оуэн подчеркнул, что Аристотель отказывается использовать сходство в качестве основания для фокусного анализа или фокусного значения [32]. Таким образом, нарисованный глаз напоминает живой глаз, но не может выполнять его функцию. Поэтому нельзя сказать, что это глаз. Фокусное значение не используется Аристотелем для соединения разных сущностей, каждая из которых имеет свою цель.

вредной. Тем не менее оба вида дружбы связаны между собой *косвенно*, потому что они похожи на идеальный случай дружбы между добродетельными людьми²⁸.

Может ли понятие ключевого сходства применяться к анализу понятия права? Во-первых, рассмотрим парадигматический, или ключевой, случай понятия права, предлагаемый Финнисом. Согласно Финнису, право – это набор правил, поддерживаемых санкциями и созданных определенным и эффективным органом для всего сообщества, чтобы решать проблемы координации в интересах общего блага. Можно выделить следующие его особенности:

V = правила, установленные определенным и эффективным органом.

C = правила, поддерживаемые санкциями.

D = правила, которые решают проблемы координации.

E = правила, которые решают проблемы координации для достижения общего блага.

Во-вторых, рассмотрим различные концепции или самоинтерпретации, основанные на общих убеждениях относительно понятия права²⁹:

Парадигматический, или ключевой, случай = L1

Обычное право = L2

Позитивное право = L3

Международное право = L4

	L1		
	BCDE		
L2	L3	L4	
E	BCD	D	

Мы можем использовать L2 в качестве конкретного примера или типа обычного права, которое представляет собой систему правил, служащих общему благу сообщества. Однако в нашем конкретном примере обычного права правила могли появиться не с целью решения проблем координации, а просто для подкрепления моральных норм и принципов. L3 может быть правовой системой, такой как правовая система Третьего рейха, которая была системой правил, поддерживаемых санкциями, установленными определенным и эффективным органом для решения проблем координации. L4 может представлять собой свод норм международного права, нацеленных на решение проблем координации, однако данные правила не создаются определенным и эффективным органом, поскольку они являются обычными правилами и не поддерживаются санкциями. Примеры обычного права, позитивного права и международного права связаны с парадигматическим случаем, потому что имеют некоторые общие черты с парадигматическим случаем, однако не существует *непосредственной* связи между нашими конкретными примерами обычного права, с одной стороны, и позитивным правом и междуна-

²⁸ Аристотель отмечает: «Итак, поскольку друзьями называют и тех, кто дружит из соображений пользы, как, например, государства (ибо принято считать, что военные союзы возникают между государствами по надобности), и тех, кто любит друг друга за удовольствие, как, например, дети, то, видно, и нам следует называть таких людей друзьями, учитывая, что видов дружбы несколько. Но прежде всего и в собственном смысле слова дружбою является дружба добродетельных постольку, поскольку они добродетельны, а остальные следует называть дружбами по сходству с этой, так что другие – друзья в той мере, в какой неким благом является и то, что подобно [истинному благу] в [истинной] дружбе, ведь и удовольствие – благо для тех, кто любит удовольствие» (Аристотель. Никомахова этика. 1157, а26–а33 (цит. по: Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. С. 225. – *Прим. пер.*)).

²⁹ Аристотель, подобно сторонникам юридического позитивизма и Финнису, также подчеркнул важность уважения подлинно общих убеждений как в анализе, так и в продвижении концептов.

родным правом – с другой. Их отношения являются *косвенными* и опосредованными парадигматическим случаем.

В чем тогда заключается различие между анализом ключевого сходства и анализом центрального случая? Значимо ли оно для целей теоретического изучения права? Анализ центрального случая предполагает причинно-следственную связь – действующую, целевую, материальную или формальную – между различными концепциями и самоинтерпретациями и центральным случаем. Мы показали неправдоподобность существования таких причинных связей в анализе концепта права. Напротив, анализ ключевого сходства исходит из того, что отношениям между сущностью и различными самоинтерпретациями и концепциями не хватает идентичности. Вместо нее есть просто сходство между ними, но при этом появляется единое представление о понятии права. По причинам, которые обсуждались выше, я полагаю, что последний тип анализа концепта права является правильным. Следовательно, право как практическая разумность играет роль медиатора между различными концепциями права, но они не образуют *единого* понятия в строгом смысле.

IV. Заключение

Как мы отметили в предыдущем разделе, Финнис подверг критике и внутреннюю точку зрения Харта, и точку зрения обычного человека или юридическую точку зрения Раза [34, р. 76–77]. Он утверждает, что они обе нестабильны и не обеспечивают желаемое и требуемое объединение различных концепций и самоинтерпретаций понятия права. Идея права как практической разумности в качестве фокусного значения или центрального случая права, по мнению Финниса, объясняет обычное понятие права, но также и превосходит его, поэтому возникает понятие права, отличное от «обычного». Защищаемая Финнисом идея такова, что хотя «обычное понятие права» совершенно нефокусировано, оно полезно, поскольку позволяет нам понимать юристов, антропологов, бандитов и тиранов, когда они говорят о праве [13, р. 278]. Но он утверждает, что мы нуждаемся в понятии, которое можно использовать в теоретическом объяснении.

Однако мы показали, что разработанные Финнисом концептуальный и функциональный аргументы являются неудовлетворительными, и вместо них мы предложили реконструкцию концептуального аргумента на основании ключевого сходства. Право, понимаемое как практическая разумность в рамках подхода, который основан на ключевом сходстве, обеспечивает посредничество между различными концепциями и самоинтерпретациями права и создает его объединяющее понятие не с точки зрения идентичности, а в терминах сходства. Следовательно, роль посредничества, приписываемая праву как практической разумности в рамках его оценки с точки зрения ключевого сходства, позволяет систематизировать данные и множество разнообразных «общих» взглядов и самоинтерпретаций понятия права, не предполагая «первичного» источника, устанавливающего идентичность между различными концепциями и самоинтерпретациями. Подход, который основан на идее права как практической разумности в качестве ключевого сходства, представляется нам значительно более эффективным для решения выявленной Финнисом проблемы унификации и дифференциации, и может использоваться плодотворно и информативно для решения теоретических и методологических задач в теории права.

Литература

1. Aristotle. *Metaphysics*.
2. Aristotle. *Nicomachean Ethics*.
3. Ashworth E. J. Signification and Modes of Signifying in 13th Century Logic: A Preface to Aquinas on Analogy // *Medieval Philosophy and Theology*. – 1991. – P. 39–67.
4. Ashworth E. J. Suarez on the Analogy of Being: Some Historical Background // *Vivarium*. – 1995. – Vol. 33, Iss. 1. – P. 50–75.
5. Bambrough R. Universals and Family Resemblances // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1961. – Vol. 61. – P. 207–222.
6. Bellarmey J. Family Resemblances and the Problem of the Under-Determination of Extension // *Philosophical Investigations*. – 1990. – Vol. 13. – P. 31–43.
7. Coleman J. *The Practice of Principles*. – Oxford University Press, 2001.
8. Cooper J. Aristotle on the Forms of Friendship // *The Review of Metaphysics*. – Vol. 30. – 1977. – P. 619–648.
9. Dickson J. *Evaluation and Legal Theory*. – Oxford : Hart Publishing, 2001.
10. Dworkin R. *Law's Empire*. – Cambridge : Harvard University Press, 1986.
11. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // *Philosophy & Public Affairs*. – 1996. – Vol. 25. – P. 87–139.
12. Endicott T. How to Speak the Truth // *American Journal of Jurisprudence*. – 2001. – Vol. 46. – P. 229–248.
13. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. – Oxford University Press, 1980.
14. Fortenbaugh W. W. Aristotle's Analysis of Friendship: Function and Analogy, Resemblance, and Focal Meaning // *Phronesis*. – 1975. – Vol. 20. – P. 51–62.
15. Gauthier R., Jolif J. *L'Éthique à Nicomaque*. – Paris, 1959.
16. Green L. Law, Co-ordination and the Common Good // *Oxford Journal of Legal Studies*. – 1983. – Vol. 3. – P. 299–324.
17. Greenberg M. How Facts Make Law // *Legal Theory*. – 2004. – Vol. 10. – P. 157–158.
18. Grice P. Aristotle on the Multiplicity of Being // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 1988. – Vol. 69 (3). – P. 175–200.
19. Halpin A. The Methodology of Jurisprudence: Thirty Years Off the Point // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. – 2006. – Vol. 19, Iss. 1. – P. 67–105.
20. Hart H. L. A. *The Concept of Law*. – Oxford University Press, 1994. – 315 p.
21. Irwin T. Homonymy in Aristotle // *The Review of Metaphysics*. – 1981. – Vol. 34 (3). – P. 523–544.
22. Kelsen H. *Introduction to the Problems of Legal Theory*. – Oxford : Clarendon Press, 2002.
23. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // *American Journal of Jurisprudence*. – 2003. – Vol. 48. – P. 17–52.
24. Leiter B. Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered // *Ethics*. – 2001. – Vol. 111 (2). – P. 278–301.
25. Leiter B. Rethinking Legal Realism: Towards a Naturalized Jurisprudence // *Texas Law Review*. – 1997. – Vol. 76. – P. 267–315.
26. Locke J. *An Essay concerning Human Understanding*. – 1979. – xi.9; id. III at iii.6.
27. Mandelbaum M. Family Resemblances and Generalization Concerning the Arts // *The American Philosophical Quarterly*. – 1965. – Vol. 2, no. 3. – P. 219–228.
28. Manse A. Games and Family Resemblance // *Philosophy*. – 1967. – Vol. 42. – P. 210–225.
29. McInerny R. Aquinas and Analogy: Where Cajetan Went Wrong // *Philosophical Topics*. – 1992. – Vol. 20, Issue 2. – P. 103–124.
30. Montagnes B. La doctrine de l'analogie de l'être d'après Saint Thomas d'Aquin // *Philosophes médiévaux* 6. – Louvain : Publications Universitaires ; Paris : Béatrice-Nauwelaerts, 1963.
31. Moore M. *Educating Oneself in Public: Critical Essays in Jurisprudence*. – Oxford University Press, 2000.
32. Owen G. E. L. *Logic and Metaphysics in Some Early Works of Aristotle* // *Logic, Science and Dialectic* / M. Nussbaum ed. – Duckworth, London, 1986.

33. Pompa L. Family Resemblance // The Philosophical Quarterly. – 1967. – Vol. 17. – P. 63–67.
34. Raz J. Practical Reason and Norms. – Oxford : Oxford University Press, 1999 (1st ed., 1975).
35. Shields Ch. Order in Multiplicity: Homonymy in the Philosophy of Aristotle (Oxford Aristotle Studies). – Clarendon Press, 1999.
36. Simmonds N. Law as a Moral Idea // University of Toronto Law Journal. – 2005. – Vol. 55. – P. 61–92.
37. Suarez F. Disputationes Metaphysicae. – Hildensheim, 1965. (Reprografischer Nachdruck der Ausgabe Paris, 1866. (Opera Omnia. Editio Nova ed. C. Berton. T. 25–26)).
38. Tessin T. Family Resemblance and the Unity of a Concept // Philosophical Investigations. – 1961. – Vol. 19. – P. 62–71.
39. Thomas Cardinal Cajetan. On the Analogy of Names [De Nominum Analogia] / E. Bushinski trans. – 1953.
40. Walker A. D. M. Aristotle's Account of Friendship in the Nichomachean Ethics // Phronesis. – 1979. – Vol. 24 (2). – P. 180–196.
41. Wennerberg H. The Concept of Family Resemblance in Wittgenstein's Later Philosophy // Theoria. – 1967. – Vol. 33. – P. 107–132.
42. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / G. E. M. Ascombe trans. – 3rd ed. – 2001. (1953).

Veronica Rodriguez-Blanco,

Professor in Moral and Political Philosophy (Jurisprudence)
in the School of Law, University of Surrey,
Member of the Surrey Centre for Law and Philosophy
(Guildford, Surrey, UK)

Is Finnis wrong? Understanding Normative Jurisprudence. Part 2

Judges and lawyers believe that international law, customary law, and legal systems such as the Third Reich or apartheid law in South Africa are law. But how do we explain the fact that there is one concept of law when there are different conceptions of law with a variety of different features? Finnis, inspired by the Aristotelian notion of central case, adumbrates the idea that the concept of law might be unified by a primary concept which is the concept of “law as practical reason”; that is, law conceived from an ethical perspective. He advances two arguments to defend his methodology: the conceptual and the functional. *Contra* Finnis, the paper shows that neither the conceptual nor the functional argument can successfully support the view that “law as practical reason” is the central case of the concept of law. The study clarifies the Aristotelian notion of central case and illustrates them is taken application of this notion to the concept of law. However, we also argue that Finnis's insight – the idea that all the different conceptions of law might be unified for the purposes of theoretical research – is fundamental and appealing. This paper aims to reconstruct Finnis's insight through the model of core resemblance. The result is that the different conceptions of law can be unified by resemblance to the concept of “law as practical reason,” though there is no identity among the different conceptions of law.

Key words: concept of law; conception; methodology; central case; practical reason; core resemblance.